

Виктор Губарев

Загадки истории

Пираты

Капитан Дрейк и сокровища испанской короны

Лиха беда начало

В Испании и странах Латинской Америки имя англичанина Фрэнсиса Дрейка неизменно сопровождалось такими нелицеприятными характеристиками, как «ужасный злодей», «кровожадный пират», «лютеранский разбойник» и т. п. Иное отношение к капитану Дрейку и его деяниям наблюдалось в Англии. Например, историк-викторианец Дж. Бэрроу, автор книги «Жизнь, экспедиции и подвиги сэра Фрэнсиса Дрейка», восторженно писал:

«Среди многочисленных примечательных действующих лиц, порожденных царствованием королевы Елизаветы, имя сэра Фрэнсиса Дрейка всегда будет занимать почетное место. Выходец из простой семьи, появившийся в этом мире на заре своей юности в роли обычного моряка, он смог — благодаря трудолюбию, настойчивости, упорству в

преодолении трудностей и решительной отваге — постепенно подняться до высочайшего ранга в королевском флоте и удостоиться чести быть посвященным в рыцари самой государыней — чести, которой в ту блистательную эпоху удостаивали лишь за особые заслуги».

Нет ничего удивительного в том, что жизнь и деятельность столь популярной личности, как Дрейк, постепенно обросла множеством легенд, за которыми порой бывает трудно отличить правду от вымысла. Среди таких легенд особенно впечатляющими являются истории о зарытых и утопленных сокровищах, поиском которых на протяжении веков занимаются как профессиональные кладоискатели, так и энтузиасты-любители. В этой главе мы расскажем об одной из самых блестящих операций в истории пиратства — выслеживании и захвате капитаном Дрейком испанского каравана с сокровищами на Панамском перешейке и судьбе зарытого там клада. Однако сначала обратимся к малоизвестным, полным «белых пятен» страницам ранней биографии елизаветинского корсара¹.

---

¹ *Корсар* — частное лицо, приобретающее у властей лицензию (корсарский, или каперский, патент) на право захвата вражеских кораблей и прибрежных поселений. Синонимы: капер, приватир.

Место рождения Дрейка общеизвестно — это ферма Кроундейл, расположенная примерно в миле к юго-западу от местечка Тейвисток, что в графстве Девон. Но в каком году он появился на свет? Одни исследователи считают, что в 1537-м, другие — в 1539-м, 1541-м, 1543-м или 1545 году. Ферма, принадлежавшая когда-то Тейвистокскому аббатству, в 1539 году перешла в собственность к лендлорду² сэру Джону Расселу (будущему графу Бэдфорду), одному из приближенных короля Генриха VIII Тюдора. В октябре того же года сэр Джон передал ее в аренду йомену³ Джону Дрейку, который жил здесь со своей женой Маргарет — родственницей богатого судовладельца Уильяма Хокинса из Плимута — и сыновьями Джоном, Эдмундом и Робертом. Джон Дрейк-младший со временем унаследовал ферму родителей, а Эдмунд сначала то ли стриг овец, то ли работал на валяльной мельнице, после чего «переквалифицировался» в священника. О его жене — матери Фрэнсиса — мало что известно.

---

² *Лендлорд* — крупный землевладелец в Англии.

³ *Йомен* — свободный мелкий землевладелец, самостоятельно обрабатывавший землю.

Предполагают, что ее звали Анна Милуэй (впрочем, некоторые авторы называют ее Мэри Милуэй). Эдмунд женился на ней в конце 30-х годов XVI века.

Дж. Бэрроу, один из ранних биографов Дрейка, полагал, что он мог родиться в 1539 году или около того. Для доказательства своей гипотезы Бэрроу ссылаясь на миниатюру, написанную Николасом Хиллиардом в 1581 году; на ней указан возраст Дрейка — сорок два года, из чего следует, что он должен был родиться в 1539-м. Однако на другом портрете, написанном в 1594 году (по-видимому, фламандским художником Маркусом Геерартсом-младшим) и хранящемся в поместье Бакленд-Эбби, его возраст определен в пятьдесят три года; в таком случае вероятной датой рождения Дрейка следовало бы считать 1541-й. Список гипотез на этом не исчерпывается. Так, в апреле 1586 года, находясь в захваченной им Картахене⁴, Дрейк сообщил местному судье Диего Идальго Монтемайору, что ему сорок шесть лет. Следовательно, вероятной датой его рождения нужно считать 1540 год. Испанский историк Антонио де Эррера-и-Тордесильяс в 1606-м писал,

---

⁴ *Картахена* — испанский порт в Новой Гранаде, ныне — портовый город в Колумбии (Южная Америка).

что на момент смерти (7 февраля 1596 года по григорианскому календарю) Дрейку было пятьдесят два года. Если это утверждение справедливо, тогда «железный пират» королевы Елизаветы должен был родиться в 1543-м или в начале 1544 года. На вероятность этого указывает также надпись на портрете Дрейка, который, по всей видимости, был написан во время посещения им Голландии в 1586 году. Из надписи следует, что ему в то время было сорок три года.

Список предположений относительно даты рождения Фрэнсиса Дрейка можно было бы продолжить, но на основании вышеприведенных точек зрения уже можно констатировать: за несколько столетий биографы великого корсара и мореплавателя так и не смогли точно установить, в каком году он родился.

Во многих биографиях Фрэнсиса Дрейка тиражируется популярная версия о том, что его отец был «ревностным протестантом». В 1549 году, когда в Девоншире началось крестьянское восстание, возглавляемое дворянами-католиками, Эдмунд Дрейк вынужден был бежать вместе с семьей из Кроундейла в Плимут. Увы, антикатолические мотивы указанного события опровергаются новейшими исследованиями. По данным Г. Келси, в 1548 году отец Дрейка был втянут в скверную историю, о причинах которой

можно только догадываться, однако в итоге он и двое других священников были обвинены в разбойных нападениях. Вскоре после их совершения Эдмунд Дрейк бежал из графства. Где он скрывался в течение нескольких лет — неизвестно.

Расхожая легенда о детстве Фрэнсиса Дрейка сообщает, что, перебравшись в Плимут, его семья остановилась у близких родственников — в доме преуспевающего негоцианта Уильяма Хокинса, а когда волна католического восстания докатилась до ворот Плимута и перепуганный мэр открыл перед бунтовщиками городские ворота, Эдмунд Дрейк вместе с другими протестантами вынужден был переправиться на остров Сент-Николас (теперь этот остров, лежащий посреди Плимутской бухты, носит имя Дрейка). Несколько дней семья якобы пряталась в хижине рыбаков, а затем перебралась на корабль «Инглиш гэли», принадлежавший некоему Ричарду Дрейку — возможно, брату или родственнику Эдмунда. На его борту беглецы отплыли на восток, в графство Кент, где обосновались в Чатеме.

Можно допустить, что вскоре после скандального бегства отца юный Фрэнсис поселился в Плимуте, в доме Хокинсов. В те времена подобная практика считалась обычным явлением. Об этом упоминает Э. Хоус в книге,

выпущенной в 1615 году. Дрейк мог несколько лет провести в доме Хокинсов, где сдружился с сыновьями главы семейства — Уильямом и Джоном. Он приходился им то ли троюродным братом, то ли племянником. Вместе с ними Дрейк начал осваивать профессию моряка: плавал на каботажных судах юнгой, затем матросом, а около 1558 года стал казначеем на одном из кораблей Хокинсов.

По другой версии, после того как Эдмунд Дрейк перебрался в графство Кент, семья поселилась в корпусе старого корабля, стоявшего на приколе в Гиллингэм-Рич на реке Медуэй. Жена Эдмунда рожала регулярно и исключительно мальчиков, так что вскоре у Фрэнсиса было уже одиннадцать братьев. Поскольку семья едва сводила концы с концами, отец, по данным У. Кэмдена, устроил старшего сына юнгой на торговое судно, ходившее в порты Нидерландов и Франции. Владелец судна, не имевший детей, относился к Фрэнсису как к родному сыну. В 1561 году, когда друзья помогли Эдмунду получить место викария в приходе Апчёрч, что в районе Медуэйских маршей, произошли изменения и в судьбе Фрэнсиса: владелец судна, на котором он осваивал азы морского ремесла, умер, и ветхая посудина перешла по завещанию в его собственность. Впрочем, состояние парусника было

столь плачевным, что спустя некоторое время Дрейк предпочел продать его и устроиться баталером⁵ на один из кораблей Джона Хокинса. По данным Дж. Стоу, этот корабль совершал торговые рейсы в Бискайский залив — очевидно, в Ла-Рошель и Страну Басков.

Более достоверными сведениями мы располагаем относительно участия Дрейка в двух пиратско-работорговых экспедициях, проходивших по маршруту Англия — Западная Африка — Вест-Индия — Англия. Экспедицией 1566–1567 годов, снаряженной на средства братьев Хокинсов, командовал капитан Джон Ловелл, а экспедицию 1567–1568 годов возглавлял сам Джон Хокинс. Поход «за рабами и золотом», организованный Хокинсом, завершился катастрофой близ Веракруса (Мексика), в гавани Сан-Хуан-де-Улуа. Там вице-король Новой Испании дон Мартин Энрикес де Альманса нарушил мирный договор, заключенный с командующим английской экспедицией, и приказал своим солдатам атаковать корабли работорговцев. В результате отчаянного сражения флотилия Джона Хокинса была

---

5 *Баталер* — лицо, ведавшее на корабле продовольственным, вещевым и иным снабжением.

разгромлена, уцелели только два судна — «Джудит» Дрейка и «Миньон» Хокинса.

«...Я привел вас к воротам казначейства земли!»

На вопрос, что двигало Дрейком в первые годы после возвращения из Мексики, многие исследователи отвечают однозначно: желание компенсировать свои финансовые потери и отомстить испанцам за их вероломство. С этой целью он предпринял две самостоятельные экспедиции в Вест-Индию. Первая осуществлялась на судах «Драгон» и «Суон» в 1569–1570 годах, а другая — на барке «Суон» в 1571 году. Английское правительство тайно покровительствовало ему, а на протесты Испании отвечало, что Дрейк действует на свой страх и риск. Обе экспедиции стали, по сути, подготовкой к грандиозной аванюре, целью которой был захват испанского «серебряного каравана» на Панамском перешейке.

В ходе экспедиции 1571 года Дрейк не только захватил богатую добычу и разведал, каким образом испанцы переправляют сокровища из Перу в Панаму, а оттуда — на карибское побережье, в порт Номбре-де-Дьос, но и нашел удобную бухту, в которой можно было устроить тайное убежище. Капитан назвал это место Фазаний порт. Очевидно,

это была знаменитая Секретная гавань (Пуэрто-Эскондидо), расположенная в восточной части Панамского перешейка, недалеко от залива Каледония.

Разработав план перехвата на указанном перешейке испанского каравана с богатейшим грузом золота и серебра, Дрейк нанял в Плимуте отчаянных молодцов и 24 мая 1572 года вышел в море на двух небольших судах — «Паско» и «Суон». Последним командовал его брат Джон. На борту «Паско» находилось 47 вольнонаемных людей, на «Суоне» — 26. В экспедиции также участвовали еще один брат Дрейка — Джозеф, близкий друг капитана Джон Оксенхэм. Увлекательный отчет об этом походе написал священник Филипп Николс (его отредактировал и издал в 1628 году племянник и тезка Дрейка — сэр Фрэнсис Дрейк).

Ветер и течения благоприятствовали флотилии Дрейка. 3 июня англичане увидели остров Порту-Санту в архипелаге Мадейра, затем, не останавливаясь, миновали Канарские острова и, поймав северо-восточный пассат, пошли через Атлантику к Малым Антильским островам. 28 июня на горизонте показались контуры острова Гваделупа. Дрейк решил стать здесь на якорь, чтобы дать командам возможность отдохнуть и пополнить запасы провизии.

1 июля суда снялись с якоря и пошли на запад. Через десять дней они достигли перешейка и вскоре подошли к входу в Фазаний порт. Убежденный в том, что в пределах тридцати пяти лиг от его тайной базы нет ни одного испанского поселения, Дрейк отправился на берег с несколькими товарищами. Но неожиданно в том месте, где должна была находиться его база, он увидел столб дыма. Вернувшись назад, к судну, Дрейк пересел в шлюпку и с усиленным отрядом снова отправился к своему секретному убежищу. На берегу англичане не обнаружили никаких признаков пребывания людей, кроме большого подожженного дерева. Стояла гнетущая тишина; все тропинки и просеки, которые они сделали во время прошлого визита в Фазаний порт, заросли густым кустарником. Вдруг на одном из деревьев матросы увидели табличку, на которой было нацарапано следующее послание:

«Капитан Дрейк! Если фортуна приведет вас в этот порт, немедленно уходите! Ибо испанцы, коих вы удерживали здесь, при себе, в прошлом году, обнаружили это место и забрали всё, что вы здесь оставили.

Я ухожу отсюда сегодня, 7 июля 1572 года. Ваш преданный друг Джон Гаррет».

Таким образом, капитан Гаррет посетил Фазаний порт незадолго до прихода Дрейка. В его команде наверняка находились матросы,

участвовавшие в предыдущей экспедиции Дрейка; они-то и могли рассказать своему новому командиру об этом тайном убежище.

Несмотря на предупреждение Гаррета, Дрейк решил не покидать Фазаний порт. Суда ошвартовали у берега, после чего плотники занялись сборкой пинасов⁶, которые в разобранном виде были доставлены из Англии. Кроме того, из стволов поваленных деревьев моряки начали строить небольшой форт.

На следующий день, 13 июля, когда работы по сборке пинасов и строительству форта еще не были завершены, у входа в гавань появились три судна, причем два из них были испанской постройки. Матросы схватились за оружие, но вскоре выяснилось, что никакой опасности нет. Одним из кораблей командовал корсар Джеймс Ренс, а два его спутника оказались призами⁷ — каравеллой с почтой, направлявшейся в Номбре-де-Дьос, и небольшим шлюпом, захваченным у африканского мыса Бланко.

---

⁶ *Пинас* — небольшое парусно-гребное судно, предназначенное для действий на мелководье.

⁷ Призами английские корсары называли трофейные суда.

Появление соотечественников Дрейк воспринял без особого энтузиазма: ему не нужны были ни новые напарники, ни конкуренты. Однако он решил извлечь пользу из создавшейся ситуации. Дрейк признался, что планирует напасть на Номбре-де-Дьос и захватить там казначейство. Ренс тут же попросил взять его в долю, и между двумя капитанами было подписано консортное соглашение⁸.

За неделю три пинасы были снаряжены и укомплектованы всем необходимым, и 20 июля флотилия выскользнула из Фазаньего порта. Продвигаясь на северо-запад вдоль побережья Дарьена, она через три дня достигла острова, известного под названием Пинос (Сосновый остров). Здесь англичане собирались укрыть свои суда, использовав для набега на Номбре-де-Дьос только пинасы.

Неожиданно внимание корсаров привлекли два фрегата, которые стояли на якоре у берега. Команды их, состоявшие из негров, были заняты погрузкой на борт строевого леса. Негров захватили и допросили. Информация, которую они сообщили, была не очень утешительной. В лесах по обе

---

⁸ Соглашение между двумя и более корсарскими судами о совместных действиях и правилах дележа добычи.

стороны от дороги, связывавшей Панаму с Номбре-де-Дьос, активизировались *симарроны* — беглые африканские невольники, которых англичане называли на свой манер *марунами*. Их первые сообщества возникли здесь еще на заре испанской колонизации, когда беглые негры, женившись на местных индианках, образовали два сильных племени во главе с выборными вождями и разделили всю территорию вдоль «Королевской дороги» на подконтрольные им участки. В 1572 году некий испанский дворянин с отрядом карателей напал на одно из таких убежищ и уничтожил его. В ответ маруны нанесли удар по Номбре-де-Дьос. Это случилось за шесть недель до прибытия туда Дрейка. Негры рассказали, что испанцы отправили к губернатору Панамы гонцов с просьбой прислать подкрепление. Это означало, что англичанам следует поторопиться и закончить дело до того, как из Панамы пришлют солдат.

Оставив три судна и призывую каравеллу под присмотром Ренса, Дрейк взял с собой в набег четыре пинаса. В них разместились 53 члена команды самого Дрейка и 20 моряков из команды его партнера. В ящики сложили оружие: мушкеты, пистолеты, мечи, пики, луки и бердыши, а также щиты.

На пятый день пути, 28 июля, они достигли острова, лежащего в двадцати пяти лигах от

Пиноса. Здесь ранним утром Дрейк высадил своих людей на берег и раздал им оружие. Все утро матросы занимались строевыми учениями, а в полдень взялись за весла, чтобы до захода солнца достигнуть устья Рио-Франсиско — небольшой речки, впадающей в море в пяти лигах к востоку от бухты Номбре-де-Дьос. Как только стемнело, они двинулись дальше, стараясь не производить лишнего шума. Достигнув входа в бухту, пинасы остановились под прикрытием высокого берега, чтобы дождаться рассвета. Ночи, казалось, не будет конца. Молодые, необстрелянные спутники Дрейка начали нервничать. За мысом лежал неизвестный им город, который, в их представлении, был «таким же большим, как Плимут», к тому же полон испанских пехотинцев. Капитан стал опасаться, что его деморализованные товарищи могут не дождаться рассвета и выйдут из повиновения. Неожиданно горизонт осветила поднимавшаяся луна. Вожак решил использовать это обстоятельство и за час до рассвета объявил:

— Эй, парни, солнце встает! Пора!

Уловка сработала; люди навалились на весла. Но в этот момент случилось непредвиденное — в бухту вошло испанское судно из Севильи. Заметив подозрительные пинасы, команда судна тут же направила к берегу шлюпку. Дрейк бросился ей наперерез, вынудив отвернуть в сторону. Затем

англичане высадились на берег, где прямо на пляже наткнулись на вооруженную шестью пушками батарею. Часовой, увидев незнакомцев, со всех ног бросился наутек.

— Тревога! — завопил он. — К оружию!
Пираты в городе!

Город немедленно проснулся. Пока англичане сбрасывали с лафетов захваченные пушки, слышались удары церковного колокола и грохот барабанов; из домов на улицы стали выбегать кричащие от страха жители.

Выведя из строя береговую батарею, Дрейк велел двенадцати матросам охранять пинасы, а с остальными устремился на холм, возвышавшийся на восточной окраине. Там, по его данным, испанцы собирались установить пушки, ядра которых могли достичь любой точки в городе. Убедившись, однако, что никаких пушек на холме нет, Дрейк быстро спустился вниз и решил идти к рыночной площади. Отряд был разделен на две части: 16 человек под командованием его брата Джона и Оксенхэма получили приказ обогнуть здание казначейства и войти на площадь с востока, тогда как другая группа из 40 человек во главе с ним самим должна была пройти туда по главной улице. Стреляя из мушкетов, под грохот барабанов и завывания труб, англичане промаршировали по городу, стремясь посеять смятение среди жителей.

При этом, согласно информации португальца Лопеша Ваша, был убит лишь один житель: услышав шум на улице, бедолага выглянул в окно и получил пулю в лоб.

Ударная группа Дрейка первой достигла площади. Там было обнаружено небольшое скопление солдат, которые возводили возле губернаторского дома баррикаду: она должна была помешать англичанам пройти к Панамским воротам и обеспечить прикрытие для эвакуации жителей и защитников города.

Едва корсары вступили на площадь, испанцы дали по ним залп из аркебуз, но бóльшая часть пуль упала в песок с недолетом. Сражен был лишь барабанщик Дрейка. Остальные участники штурма произвели ответный залп из мушкетов, после чего пустили в ход свои луки и стрелы, а также копья. В этот момент, стреляя из мушкетов и пистолетов, с криками «Святой Георг!» с восточной стороны на площадь ворвался отряд Джона Дрейка. Не подозревая, как слабы были силы новоприбывших, испанцы побросали оружие и ринулись из города через Панамские ворота.

Дрейк принудил пленных показать ему дом губернатора, где, как он знал, разгружали приходивший из Панамы караван мулов. «Прибыв в дом губернатора, — писал Филипп Николс, — мы увидели, что большая дверь, возле которой обычно

осуществлялась разгрузка мулов, была открыта, свеча горела на верхней ступеньке и прекрасный испанский жеребец был оседлан — то ли для самого губернатора, то ли для кого-то из его домочадцев, чтобы следовать за ним. В свете этой свечи мы увидели большую грудку серебра в подвальном помещении; куча серебряных слитков, имевшая, по нашим прикидкам, семьдесят футов в длину, десять футов в ширину и двенадцать футов в высоту, была свалена у стены, причем каждый слиток весил от тридцати пяти до сорока фунтов».

Всего в подвале могло находиться около 360 тонн серебра, приготовленного к погрузке на галеоны «серебряного флота». Но Дрейк не разрешил, чтобы его товарищи взяли хотя бы один слиток. Ему нужны были золото, драгоценные камни и жемчуг, которые, судя по всему, должны были храниться в здании казначейства на берегу бухты.

Между тем капитану сообщили, что его суда могут быть атакованы и захвачены неприятелем. Молодой негр по имени Диего, сдавшийся морякам, охранявшим пинасы, рассказал им об отправке из Панамы в Номбре-де-Дьос 150 солдат, подтвердив тем самым уже имевшуюся у корсаров информацию. Для проверки этого сообщения Дрейк отправил на берег своего брата и Оксенхэма.

Неожиданно блеснула молния, грянул гром, и на землю хлынул тропический ливень. Чтобы уберечь от воды фитили мушкетов, порох и тетиву луков, англичане вынуждены были укрыться под навесом у западного крыла здания казначейства. Некоторые матросы опять начали ворчать, предлагая поскорее уйти из города. Дрейк, слышавший эти малодушные речи, не выдержал и в сердцах воскликнул:

— Парни, я привел вас к воротам Казначейства Земли! Если вы сделаете то, что задумали, то потом никого не вините в этом — только себя!

К счастью, через полчаса ливень прекратился так же неожиданно, как и начался. Дрейк велел своему брату и Оксенхэму взять часть людей и попытаться взломать двери казначейства, а сам с остальными моряками намерился вернуться на рыночную площадь, чтобы не пустить туда испанцев. Однако едва вожак сделал несколько шагов, как ноги его подкосились и он рухнул на землю.

Что же произошло? Оказалось, что еще во время первой стычки с испанцами Дрейк был ранен в ногу, но, опасаясь, что его люди могут отказаться идти дальше, скрывал от них этот факт, пока не лишился сил от большой потери крови. Матросы бросились к нему и перевязали раненую ногу шарфом, стараясь остановить кровотечение. Придя

в себя, капитан прошептал, что может идти дальше, но ему никто не поверил. Жизнь капитана в создавшейся ситуации была для его спутников дороже всех сокровищ Индии.

Погрузившись на пинасы, корсары отчалили. При этом они не поленились прихватить с собой упомянутый выше корабль с грузом канарского вина. Испанцы, прибежавшие на берег, успели установить на батарее лишь одну пушку и послать вслед англичанам несколько ядер, но их выстрелы не достигли цели.

На рассвете 29 июля, выйдя за пределы бухты Номбре-де-Дьос, налетчики повернули на запад и обосновались на живописном островке Бастиментос.

Мы пересказали английский отчет о случившемся, сомневаться в правдивости которого нет оснований. В упомянутом выше сочинении Лопеша Ваша утверждалось, что англичане были вытеснены из города силой и что у испанцев погиб лишь один человек. Эта версия, очевидно, исходила от проштрафившегося испанского губернатора, не сумевшего одолеть налетчиков и позорно бежавшего из города. В то же время в официальной жалобе короля Филиппа правительству Елизаветы указывалось, что во время английского нападения на Номбре-де-Дьос погибло восемнадцать испанцев.

Корсары провели на острове Бастиментос два дня. Затем под флагом перемирия к ним пожаловал посланник губернатора — молодой офицер, недавно прибывший с подкреплением из Панамы. Парламентер, безусловно, был шпионом и прибыл с заданием разузнать о реальных силах англичан. Сам он объяснил свой визит лишь желанием убедиться, что предводитель англичан был «тем самым» капитаном Дрейком, который в течение последних двух лет неоднократно появлялся в окрестных водах и оставил о себе «добрую память гуманным обращением с пленными». Если это так, добавил парламентер, то губернатор готов был снабдить его всем необходимым.

Беседуя с Дрейком, испанец признался, что сначала жители города очень испугались, приняв налетчиков за французов. Однако, рассмотрев выпущенные в них стрелы, с облегчением поняли, что имеют дело с подданными британской короны — людьми благородными, которые никогда не подвергали пленных жестоким пыткам. Отпустив в адрес пришельцев еще несколько комплиментов, офицер спросил, не были ли стрелы, ранившие его людей, отравлены, и если да, то как можно излечить такие раны.

На это Дрейк ответил достаточно резко:

— Сеньор, не в моем обычае пользоваться отравленными стрелами. Полученные раны вы

можете лечить с помощью обычных хирургических методов. Что касается предложения губернатора снабдить нас провизией, то мы имеем на острове достаточно необходимых продуктов, за исключением того специфического продукта этой страны, который мог бы удовлетворить меня и мою команду. Советую вашему губернатору держать глаза открытыми! Ибо прежде чем уйти, если, конечно, Господь сохранит мне жизнь, я намерен собрать часть урожая, который вы собираете с этих земель и отправляете в Испанию, чтобы потом досаждать всему миру.

Офицер парировал с едва уловимой иронией:

— Могу ли я позволить себе узнать, почему вы в таком случае не взяли триста шестьдесят тонн серебра, приготовленного для погрузки на флот, и еще более ценное золото, которое хранилось в железных ящиках королевского казначейского дома?

— Я был ранен, — ответил Дрейк, — и мои люди против моего желания отнесли меня на борт.

— В таком случае ваши люди так же благоразумны при отступлении, как и храбры в нападении, — вежливо заметил испанец. — Номбре-де-Дьос не желает мстить вам, сеньор капитан, высылая фрегаты или другие суда, имеющиеся у него. Но он позаботится о себе

гораздо лучше, чем прежде, и приготовится к защите.

Хотя Дрейк не сомневался, что имеет дело с лазутчиком, он не уступил испанцу в любезности. Офицера пригласили отобедать и в конце концов отпустили с подарками. Растроганный испанец признался, что ему никогда еще не оказывали подобной чести.

Как только посланник губернатора уехал, Дрейк опять расспросил негра Диего о том, каким образом испанцы перевозили золото и серебро из Панамы на побережье Карибского моря. Диего ответил, что сокровища, доставлявшиеся морем из Перу в Панаму, везли потом на мулах в селение Вента-де-Крусес. Там золото и серебро перегружали на небольшие суда, которые шли вниз по реке Чагрес к Карибскому морю, а затем доставляли свой груз в гавань Номбре-де-Дьос. Осуществить такую операцию можно было лишь в сезон дождей, то есть с апреля по декабрь, когда река Чагрес была полноводной. В сухой сезон, с января по март, сокровища либо хранились на складах в Панаме, либо транспортировались на Карибское побережье по суше.

Для проверки полученной информации Дрейк отправил на реку Чагрес два пинаса. За три дня, гребя против течения, разведчики преодолели восемнадцать лиг и добрались до Вента-де-Крусес,

где изучили окрестности селения и установили дружеские связи с марунами. Обратный их путь к морю занял всего лишь сутки.

Томительное ожидание

1 августа Дрейк вернулся с тремя пинасами к судам, оставленным у острова Пинос. Там, сгущая краски, он рассказал капитану Ренсу о неудаче в Номбре-де-Дьос и новых трудностях, которые ожидают их при выполнении плана по перехвату каравана с сокровищами. Ренсу подобные перспективы не понравились. Учитывая, что их нахождение у берегов Панамского перешейка стало известно испанцам, партнер Дрейка засомневался в успехе задуманной акции и в конце концов заявил, что уходит домой. Дрейк, мечтавший поскорее разорвать союз с Ренсом, не стал его удерживать. Когда 7 августа на Пинос прибыли с реки Чагрес пинасы разведчиков, Джеймс Ренс отклонялся.

Простояв на якоре еще дней пять или шесть, Дрейк решил на время покинуть панамские воды. Он не был дураком и понимал, что испанцы, встревоженные его нападением на Номбре-де-Дьос, неизбежно усилят охрану побережья. Поэтому новым районом крейсерства были избраны воды Новой Гранады.

Пока Дрейк безнаказанно пиратствовал у берегов Южной Америки, его брат Джон, сопровождаемый негром Диего, отправился на пинасе вдоль побережья Панамского перешейка; он искал марунов, на помощь которых англичане возлагали большие надежды. Поездка оказалась успешной. На реке, названной Рио-Диего, Джон встретился с отрядом марунов, предводитель которых пообещал оказывать корсарам поддержку во всех их антииспанских акциях.

Вернувшись в Порт Изобилия и застав там старшего брата, Джон рассказал ему об успехе своей миссии. На военном совете было решено снарядить два пинасы и идти к устью Рио-Диего. Тем временем «Паско» и остальные суда должны были перебазироваться в укромную бухту, обнаруженную Джоном недалеко от Рио-Диего.

На другой день, 14 сентября, пинасы прибыли к устью Рио-Диего, где их уже поджидала группа марунов. «Затем, — пишет Николс, — после того как мы оказали им надлежащий прием и получили в ответ искренние заверения в том, что они желают нам счастья и добра, мы взяли еще двух из них на наш пинас, оставив двух наших людей с остальными из их компании; они должны были идти по суше к другой реке, называвшейся Рио-Гуана, чтобы встретиться там с еще одним

отрядом симарронов, который находился в то время в горах».

16 сентября пинасы вернулись в бухту, где были укрыты суда. Здесь выяснилось, что за время их отсутствия шторм потрепал «Паско» и трофейные суда. Наспех отремонтировав свой флагман, Дрейк послал один из пинасов разведать окрестные воды. 19 сентября, проявляя максимум осторожности, англичане провели «Паско» через лабиринт рифов и мелей к песчаному островку, который находился всего в четырех кабельтовых от материка. Островок идеально подходил для создания нового тайного убежища.

На четвертый день, осматривая побережье материка, дозорные заметили каких-то людей. Оказалось, что это вернулись двое их матросов и отряд марунов. Чернокожих союзников доставили на борт «Паско», где всем им был оказан радушный прием.

В беседе с Дрейком предводитель марунов сказал:

— Я знаю, что вы хотите получить много золота. Мы могли бы удовлетворить это ваше желание, но в настоящее время оно неосуществимо. Реки, в которых мы затопили огромное количество захваченных у испанцев золотых слитков, теперь столь полноводны, что мы не сможем достать их для вас.

— А как насчет того золота, которое испанцы доставляют сюда через перешеек из Панамы? — с надеждой спросил Дрейк.

— Испанцы в эти дождливые месяцы не имеют привычки перевозить свои сокровища по суше, — ответил вождь.

Информация, полученная от предводителя марунов, слегка разочаровала Дрейка. Сезон дождей заканчивался через пять месяцев. Но игра стоила свеч, и Дрейк готов был ждать своего «звездного часа» столько, сколько требовали обстоятельства.

Для начала капитан решил возвести на островке форт и установить на нем артиллерию. Пинасы были отправлены к материку за строевым лесом. Тем временем маруны «нарубили пальмовых веток и сучьев и с невероятной быстротой соорудили два больших дома для всей нашей компании». Укрепление треугольной формы, возводившееся на берегу, получило название Форт-Диего.

Проведя на острове две недели, Дрейк предложил своему брату снова разделиться на два отряда. Сам он с тремя пинасами собрался предпринять вылазку в район Картахены. Джон со своими людьми должен был остаться на острове и с помощью марунов завершить строительство форта.

7 октября пинасы вышли в море и почти два месяца разбойничали у берегов Новой Гранады. В Форт-Диего Дрейк вернулся 27 ноября. Здесь капитана ожидала трагическая новость: погиб его брат Джон. Вместе с ним простился с жизнью и юноша, которого звали Ричард Аллен. Это случилось во время abordаж испанского фрегата буквально через два дня после того, как пинасы Дрейка ушли к берегам Новой Гранады.

Злая насмешка фортуны

Затаившись в своем убежище, Дрейк ожидал вестей от марунов, которые должны были сообщить ему о прибытии в Номбре-де-Дьос «серебряного флота» и о подготовке в Панаме каравана мулов для переброски сокровищ с Тихоокеанского побережья Америки на Атлантическое. До Рождества обстановка в английском лагере оставалась благополучной, болезни обходили людей стороной. Но 3 января 1573 года почти половину команды свалила с ног эпидемия так называемой «морской горячки». Много матросов умерло в течение двух-трех дней. Среди жертв этой эпидемии оказался еще один брат капитана — Джозеф, умерший у него на руках.

30 января, получив от марунов информацию о том, что испанские галеоны пришли в

Номбре-де-Дьос, Дрейк отправил на разведку судно «Лайон». Крейсируя у побережья Панамского перешейка, «Лайон» перехватил испанский фрегат, направлявшийся в Номбре-де-Дьос из Толу. Пленные подтвердили сообщение марунов. Когда «Лайон» вернулся в Форт-Диего, Дрейк понял, что настала пора осуществить задуманную им операцию по перехвату каравана с сокровищами.

Отбытие было назначено на 3 февраля. Учитывая, что к тому времени от эпидемии умерло 28 человек, часть людей все еще страдала от болезни, а часть была оставлена под командованием Эллиса Хиксома охранять базу, корабли и пленных, Дрейк смог взять с собой лишь 18 матросов и 20 марунов во главе с их вождем Педро. Уходя, он велел Хиксому ни в коем случае не доверять никаким сообщениям, которые могли быть переданы ему в устной форме.

Помощь, которую оказывали англичанам маруны, оказалась поистине неоценимой. Негры были не только прекрасными разведчиками и проводниками, но и выносливыми носильщиками — они несли на своих плечах всю провизию и часть боевого снаряжения. Кроме того, они собирали плоды и ягоды, а также охотились в лесах, снабжая отряд свежим мясом.

На третий день пути, 6 февраля, отряд прибыл в поселок марунов, расположенный на

возвышенном берегу реки. Селение, насчитывавшее полсотни домов, было окружено рвом и обнесено стеной. Вокруг поселка постоянно дежурили часовые, зорко следившие за тем, чтобы испанцы не совершили на него неожиданного нападения.

Переночевав и подкрепившись в гостеприимном поселке, Дрейк и его спутники в полдень были готовы продолжить путь к Панаме. Вперед выслали четырех разведчиков. Двигаясь впереди на расстоянии мили от основного отряда, разведчики постоянно обламывали ветки деревьев, указывая остальным, куда следует идти. Следом за разведчиками шел авангард из 12 марунов. За ним следовали англичане, а замыкал походную колонну арьергард, также насчитывавший 12 марунов.

11 февраля отряд поднялся на вершину горы, на которой стояло огромное дерево. Ветви его были срезаны таким образом, что по оставшимся сучкам можно было легко взобраться на самый верх. Там, наверху, находилась смотровая площадка. Педро, взяв Дрейка за руку, пригласил его следовать за ним. Он дал понять, что с верхушки дерева тот сможет увидеть сразу два океана — Великое Южное море, как тогда называли Тихий океан, и Атлантику.

Когда капитан вслед за предводителем марунов поднялся на смотровую площадку и посмотрел на юг, в глазах его застыл неописуемый

восторг. Он стал первым из англичан, кому посчастливилось увидеть Тихий океан! Участник похода писал, что Дрейк «попросил всемогущего Господа явить свою милость, чтобы продлить ему жизнь и позволить однажды проплыть по этому морю на английском корабле».

После этого англичане и маруны снова двинулись в сторону Тихоокеанского побережья. 13 февраля они вышли на равнину, заросшую высокой травой. За ней тянулась череда холмов. Поднимаясь на них, англичане в течение дня несколько раз видели высокие здания и колокольни Панама. 14-го они увидели синюю гладь моря и корабли, стоявшие на рейде. До города оставался день пути, но тут маруны сообщили Дрейку, что их могут обнаружить охотники, которые в погожие дни любили отправляться из Панама на охоту. Чтобы не дать себя обнаружить, отряд свернул с дороги к роще, находившейся в одной лиге от города.

Один из марунов, хорошо знавший город, на закате дня был отправлен туда разузнать, когда сокровища из Королевского казначейства погрузят на мулов и когда караван мулов тронется в путь.

Англичанам было известно, что из Панама караван обычно выходил ночью под охраной солдат и двигался через саванну в сторону селения Вента-де-Крусес. От Вента-де-Крусес до Номбре-де-Дьос испанцы передвигались только в

дневное время, поскольку наличие густых лесов обеспечивало им даже в самые жаркие дни необходимую прохладу.

Разведчик-марун успешно выполнил данное ему поручение. Вернувшись в рощу, он рассказал, что встретил в городе своих старых друзей, которые поделились с ним последними новостями. Согласно их информации, караван готов был двинуться в сторону Номбре-де-Дьос уже этой ночью, причем вести его взялся сам казначей Лимы. Под его непосредственным надзором находились 14 мулов, из которых 8 были нагружены золотом, один — драгоценными камнями, а прочие — домашней утварью. Кроме того, испанцы собрали два каравана, в каждом из которых насчитывалось по 50 мулов; их нагрузили продовольствием и небольшим количеством серебра.

Что же предпринял Дрейк, получив эти известия? Он решил переместить свой отряд поближе к Вента-де-Крусес и устроить засаду в двух лигах от селения. Спустя короткое время двое марунов наткнулись на спящего испанского солдата и, связав его, привели к Дрейку. Пленник подтвердил все то, о чем рассказал англичанам вернувшийся из Панамы разведчик, а заодно снабдил их дополнительной информацией.

Настала пора браться за «настоящую» работу. Капитан разделил свои силы на две группы захвата:

первая, которая насчитывала 8 англичан и 15 марунов и которую возглавил он сам, залегла в густой траве с одной стороны дороги (примерно в пятидесяти шагах от нее); вторая, возглавляемая Оксенхэмом и Педро, затаилась примерно на таком же расстоянии по другую сторону дороги. При этом обе группы расположились таким образом, чтобы первая могла атаковать голову каравана, а вторая — его тыл. Подобная тактика давала гарантию того, что, в случае стрельбы, нападающим не грозила опасность попасть под пули и стрелы своих товарищей. Кроме того, чтобы лучше ориентироваться в темноте, англичане и маруны оделись в белые рубашки.

Примерно через час тишину тропической ночи нарушил звон колокольчиков, болтавшихся на шеях мулов. Этот звон доносился как со стороны Панамы, так и со стороны Вента-де-Крусес, что свидетельствовало о приближении с противоположных сторон сразу двух караванов. Первым к месту засады приблизился караван из Вента-де-Крусес. Допрошенный ранее испанский солдат сообщил Дрейку, что указанный караван никогда не перевозил ценных товаров, поэтому нападать на него не было смысла. Но тут случилось непредвиденное! Один из матросов, Роберт Пайк, перед началом операции выпил для храбрости бутылку неразбавленного бренди, и алкоголь,

ударивший ему в голову, подвигнул его на необдуманные действия. Услышав топот копыт, Пайк вдруг встал в полный рост, собираясь выяснить, кто это едет. Марун, находившийся рядом с ним, тут же бросился на него, свалил с ног и прикрыл сверху своим телом. Однако испанский офицер, гарцевавший на лошади впереди каравана, все же успел заметить мелькнувшую у обочины дороги фигуру в белой рубашке. Заподозрив неладное, он галопом помчался навстречу панамскому каравану.

Дрейк слышал, как кавалерист перешел с рыси в галоп, и предположил, что испанцы могли заметить кого-то из его людей. Однако он еще не знал, насколько фатальными окажутся последствия пьяной выходки Пайка.

Отыскав казначея из Лимы, кавалерист поделился с ним своими подозрениями. Он рассказал ему, что, по информации из Номбре-де-Дьос, у Карибского побережья Панамского перешейка уже долгое время вертится «английский пират Франсиско Дракес»; если в его планы входит нападение на караван с сокровищами, то следует держать ухо востро; незнакомец в белом, фигуру которого он успел рассмотреть, мог быть кем-то из шайки пиратов.

Казначей адекватно оценил степень опасности. Он приказал немедленно свернуть с

дороги мулов, перевозивших ценный груз, и пропустить вперед второй караван, нагруженный продовольствием. Таким образом, рассудил он, если пираты действительно устроили засаду и готовят нападение, риск потери сокровищ будет сведен к минимуму.

Расчеты испанцев оказались верными. Отряд англичан и марунов стремительно атаковал появившийся на дороге панамский караван и без труда захватил его. Однако, вскрыв мешки и тюки с товарами, налетчики не обнаружили в них ни золота, ни драгоценностей — лишь немного серебра. Один из пленных погонщиков мулов рассказал Дрейку, каким образом испанцы узнали о наличии засады, после чего посоветовал ему поскорее уносить ноги.

— Из Панамы сюда вот-вот подойдет огромное войско, — добавил он.

Известие о приближении вражеских солдат расстроило капитана гораздо меньше, чем открывшаяся правда о том, что виновником срыва всей операции стал один из его матросов. Впрочем, Дрейк никогда не впадал в отчаянье и не горевал долго о случившемся. Необходимо было срочно решить, что делать дальше. Он обратился за советом к Педро. Предводитель марунов предложил два альтернативных варианта действий:

— Можно отойти тем же тайным путем, по которому мы пришли сюда, в глубь леса на четыре лиги, а можно пройти вперед по главной дороге на Вента-де-Крусес, что в двух лигах отсюда, и проложить себе путь клинками сквозь толпу врагов.

Учитывая, что его люди очень устали от долгих блужданий по лесам, да и рана на ноге все еще давала о себе знать, Дрейк выбрал второй вариант. Отряд выступил в сторону Вента-де-Крусес. Примерно в миле от селения вожак приказал своим людям спешиться. Передав мулов пленным погонщикам, он отпустил их на свободу с условием, что они вернуться назад в Панаму.

Дорога на Вента-де-Крусес шла через густой лес. Маруны двинулись в авангарде, готовые в любой момент предупредить англичан об опасности. Довольно скоро, не преодолев и половины пути, они обнаружили отряд испанских солдат, усиленный вооруженными монахами из соседнего монастыря. Дрейк велел своим людям приготовиться к бою.

Заметив неприятеля, испанский капитан крикнул:

— Что за люди?!

— Англичане!

— Именем короля Испании, моего господина, приказываю вам сдаться. Даю слово благородного

воина, что если вы сделаете так, вам будет оказан достойный прием!

— Честь королевы Англии, моей госпожи, обязывает меня пройти по этой дороге, — ответил Дрейк и выстрелил в сторону испанцев из пистолета.

Сразу же последовал ответный залп. Пули и картечь зацепили капитана и нескольких матросов, но смертельную рану получил лишь Джон Харрис. Не успел дым над испанцами рассеяться, как Дрейк подал условный сигнал своим людям, и они ответили неприятелю градом пуль и стрел. Заметив, что испанцы дрогнули и начали отступать к укреплению на окраине Вента-де-Крусес, англичане бросились вперед. В это же время маруны, прятавшиеся в зарослях, выскочили на дорогу и с криками накинулись на испанских солдат и монахов. Бой принял еще более ожесточенный характер; несколько англичан получили ранения, а один из марунов был пронзен пикой. Испанцы потеряли убитыми пять человек, включая одного монаха. В конце концов, победа досталась корсарам и их союзникам. Преследуя обратившихся в бегство испанцев, они ворвались в Вента-де-Крусес — селение, в котором оказалось около полусотни домов, включая несколько красивых зданий, монастырь и склады для хранения товаров.

Выставив дозоры на входе в поселок, захватчики провели в нем примерно полтора часа. За это время они тщательно обыскали все жилые дома и склады, присвоив себе те вещи, которые им приглянулись и которые легко было унести с собой.

Покинув Вента-де-Крусес, корсары и маруны двинулись, наконец, в обратный путь к побережью Карибского моря. Дрейк спешил. Его беспокоила судьба судов и больных людей, оставленных им в укреплении Форт-Диего. Поэтому, когда Педро предлагал ему отклониться от курса и посетить то или иное селение марунов, Дрейк отвечал ему вежливым отказом.

Лишь вечером 22 февраля, когда они достигли небольшого поселка, построенного марунами на берегу Черепашьей реки, Дрейк согласился сделать передышку. Здесь англичане утолили голод и сменили изодранную обувь на новую. Один из марунов был послан в Форт-Диего. Поскольку Эллис Хиксом, командовавший фортом, никому не поверил бы на слово, Дрейк передал гонцу свою золотую зубочистку, на которой кончиком ножа нацарапал: «От меня, Фрэнсис Дрейк». Примчавшись на берег моря, марун окликнул находившихся на борту судна матросов. Те спустились в шлюпку и через короткое время доставили гонца к Хиксому. Как и ожидалось, шкипер не стал его слушать, пока не увидел

золотую зубочистку Дрейка. Узнав почерк капитана, Хиксом согласился выслушать гонца. С его слов он понял, что Дрейк нуждается в провизии и просит прислать ее на пинасе к устью Черепашьей реки.

Когда участники похода смогли наконец добраться до побережья, их радости не было границ.

Несмотря на то, что под Панамой их постигла неудача, Дрейк не отказался от намерения овладеть испанскими сокровищами. Рано или поздно караван должен был пересечь перешеек и доставить свой груз в Номбре-де-Дьос. Следовательно, у англичан оставалась возможность предпринять еще одну попытку захватить вожделенный трофей.

Чтобы уберечь своих людей от расслабляющего воздействия вынужденного безделья, капитан решил привлечь их к какому-нибудь делу. Одни матросы хотели поохотиться за торговыми судами, другие предлагали отправиться на поиски фрегатов, доставлявших сокровища в Номбре-де-Дьос, где их затем грузили на галеоны «серебряного флота». Выслушав все предложения, капитан решил разделить свои силы на два отряда и отплыть на двух пинасах в разных направлениях. Прежде чем уйти, англичане затопили свой третий пинас,

«Лайон», для обслуживания которого у них не хватало людей.

Джон Оксенхэм взял под свое командование пинас «Бэр» и пошел искать провизию на восток, в район Толу. Дрейк на «Миньоне» решил охотиться за испанскими судами, направлявшимися в Номбре-де-Дьос из Верагуа и Никарагуа. Впрочем, вояж его оказался бесплодным, и, повернув назад, Дрейк 19 марта снова встретился с Оксенхэмом. Тот похвастался, что взял на abordаж фрегат с большим запасом провизии. Поскольку приз оказался новым, добротным и маневренным, Дрейк велел разгрузить его и переоснастить в боевой корабль.

Долгожданные сокровища

23 марта 1572 года англичане отправились к Номбре-де-Дьос. Через несколько дней им повстречался неизвестный корабль. Незнакомец не проявлял враждебных намерений и, приблизившись к ним с подветренной стороны, салютовал выстрелом из пушки. Оказалось, что корабль принадлежал французским гугенотам и находился под командованием капитана Гийома Ле Тетю. Он прибыл в Карибское море из Гавра с корсарскими целями, имел на борту 70 моряков и большой запас вина и сидра, но испытывал острый недостаток в

питьевой воде. Дрейк снабдил его водой и пригласил на свою тайную базу.

Когда корабли стали на якорь, Ле Тетю вручил своему английскому коллеге по ремеслу презент — ящик с пистолетами и великолепный турецкий ятаган, принадлежавший некогда кондотьеру Пьеро Строцци. Дрейк ответил галантностью на галантность и подарил французскому капитану золотую цепь.

Во время застолья Ле Тетю рассказал англичанам о массовой резне гугенотов, устроенной католиками в Париже в ночь накануне дня Святого Варфоломея (24 августа 1572 года), а также о трагической гибели адмирала Франции Гаспара де Колиньи. Затем предводитель французских корсаров пожелал присоединиться к отряду Дрейка и участвовать в его операциях.

Дрейк не сразу ответил на это предложение согласием. У французов был более крупный корабль. На 70 членов команды Ле Тетю приходилось всего 30 англичан. При таком раскладе французские корсары могли претендовать на львиную долю добычи. Англичане, первыми задумавшие нападение на караван с сокровищами, ни за что не согласились бы объединиться с французами на основе неравного распределения будущей добычи. Чтобы сохранить паритет, Дрейк поставил капитану Ле Тетю условие: во-первых, с

обеих сторон в намечавшейся акции примут участие по 20 человек; во-вторых, вся добыча будет поделена поровну.

Ле Тетю и его товарищи согласились с этими предложениями. Заключив соглашение с французами, Дрейк отправил гонца к марунам. Последние должны были выступить союзниками и проводниками корсаров.

Пять или шесть дней ушло на снаряжение объединенного ударного отряда. В окончательном варианте в него вошли 20 французов, 15 англичан и 5 марунов. Закончив все приготовления, корсары погрузились на трофейный испанский фрегат и два пинаса и взяли курс на устье Рио-Франсиско. Маруны знали, как пройти от нее к дороге, связывавшей Панаму с Карибским побережьем.

Поскольку корабль не мог двигаться по мелководью, Дрейку пришлось оставить его недалеко от Рио-Франсиско под присмотром нескольких английских и французских матросов; старшим над ними он назначил Роберта Добла. При этом капитан запретил им крейсировать у побережья, подчеркнув, что главная их задача — дождаться возвращения основного отряда.

31 марта пинасы вошли в устье Рио-Франсиско. Высадившись на берег, люди Дрейка и Ле Тетю двинулись через лес следом за своими чернокожими проводниками. До места

назначения предстояло пройти не меньше семи лиг. К ночи отряд смог преодолеть не более одной английской мили. В полной тишине англичане и французы устроили привал и долго не могли уснуть, прислушиваясь к звукам, доносившимся со стороны моря и суши. По словам одного из участников похода, они слышали звуки движущегося каравана мулов, а также отдаленный стук топоров и молотков; это испанские плотники, пользуясь ночной прохладой, проводили ремонтные работы в порту Номбре-де-Дьос.

Утром 1 апреля звон колокольчиков, болтавшихся на шеях мулов, стал слышен более отчетливо. Педро, предводитель марунов, заверил корсаров, что скоро они получат столько золота и серебра, что не смогут унести весь этот груз с собой. Он оказался прав. По дороге из Панамы двигалось сразу три группы мулов: в первой насчитывалось 50 животных, а в двух других — по 70. При этом каждый мул нес на себе 300 фунтов серебра; всего же караван транспортировал около 30 тонн золота и серебра. В отчете членов кабильдо⁹ города Номбре-де-Дьос этот груз был оценен в 150 тысяч песо.

---

⁹ *Кабильдо* — городской совет.

— Всем приготовиться, — скомандовал Дрейк.

Корсары залегли у дороги таким образом, чтобы одновременно атаковать голову и хвост каравана. Операция прошла в точном соответствии с планом. Когда, услышав выстрелы, первый и последний мул остановились и легли, все прочие последовали их примеру. Охрана каравана, насчитывавшая 45 солдат, открыла по нападающим огонь из мушкетов и пистолетов. Налетчики отвечали им градом пуль и стрел. В завязавшейся схватке капитан Ле Тетю получил заряд свинца в живот, один из марунов был убит наповал. Тем не менее, испанцы предпочли спастись бегством, и победа, в конечном счете, досталась корсарам и их чернокожим союзникам.

Добыча была столь огромной, что забрать ее всю не представлялось возможности. Англичане и французы прихватили с собой только драгоценности и часть золотых слитков и колец, а примерно 15 тонн серебра пришлось укрыть в разных местах: в больших норах, вырытых земляными крабами, под стволами упавших деревьев, валявшихся возле дороги, а также в соседней реке, на небольшой глубине, зарыв слитки в песок и гравий. На все это ушло около двух часов.

Неожиданно со стороны Номбре-де-Дьос послышался топот копыт. Приближался отряд,

высланный к месту боя алькальдом города. Дрейк приказал всей группе спешно уходить в лес. Поскольку капитан Ле Тетю не мог двигаться самостоятельно, пришлось оставить его в зарослях с двумя матросами. Кроме того, отстал от отряда еще один французский матрос, Жак Лоран, напившийся до положения риз. Позже стало известно, что он был схвачен испанцами и под пытками признался, где корсары спрятали бóльшую часть сокровищ. В итоге испанцам удалось обнаружить часть ценностей стоимостью до 100 тысяч песо.

Два дня отряд Дрейка продирался сквозь лесную чащу к устью Рио-Франсиско, где его должны были ожидать пинасы. Каково же было изумление капитана и его спутников, когда вместо своих пинасов они увидели в море семь испанских шлюпов! Возникло подозрение, что испанцы либо захватили, либо потопили корсарские суда. На самом деле шторм, налетевший на побережье днем ранее, не позволил английским пинасам вовремя подойти к месту встречи с ударной группой; а испанцы, патрулировавшие прибрежные воды, вынуждены были из-за сильного ветра укрыться на ночь в гавани Номбре-де-Дьос. Когда Дрейк появился возле устья Рио-Франсиско, шторм прекратился, и испанские шлюпы снова вышли на поиски корсарских судов. К счастью для

участников набега, их пинасы еще не успели прибыть в указанный район.

Предположив, что его суда могут находиться восточнее устья Рио-Франсиско, Дрейк внушил своим товарищам, что еще не все потеряно, и предложил им построить плот. Сопроводить капитана согласились матрос Джон Смит и двое французов.

После того как плот был сооружен и снабжен парусом и веслом, четверо участников рискованного перехода спустились на нем к морю, где изо всех сил старались удержать его на плаву. Волны постоянно заливали плот, так что корсарам большую часть времени приходилось находиться то по пояс, то по грудь в соленой воде. Наконец, через шесть часов, преодолев около трех лиг, они увидели свои пинасы.

Ветер между тем усилился, а солнце быстро клонилось к закату. Моряки, находившиеся на пинасах, не заметили плот и направились к берегу, собираясь укрыться на ночь за ближайшим мысом. Дрейк тоже повернул свой плот к берегу. Выбравшись на пляж, он и его спутники со всех ног бросились бежать к тому месту, куда причалили пинасы.

Увидев Дрейка и трех других участников набега на караван, команды пинасов не на шутку встревожились. Они решили, что бóльшая часть их

товарищей погибла или попала в плен, а за уцелевшими гонятся испанцы. Когда капитан, наконец, забрался на борт одного из пинасов, его осторожно спросили:

— Сэр, как там остальная команда?

— В порядке, — сухо ответил Дрейк.

Потом, видя недоверчивые лица матросов, рассмеялся, вынул из-за пазухи золотое кольцо и воскликнул:

— Слава богу, наш вояж закончен!

Обратившись к французам, капитан сообщил им о серьезном ранении Гийома Ле Тетю, о месте, где тот был оставлен, и о захваченных сокровищах.

На следующее утро пинасы вернулись к трофейному фрегату, оставленному под командованием Добла, а затем все вместе они пошли в Форт-Диего. Там, в соответствии с ранее заключенным соглашением, Дрейк разделил сокровища между англичанами и французами поровну. Забрав причитавшуюся им долю добычи, французские корсары тут же покинули своих английских коллег.

Спустя две недели англичане перетащили с борта «Паско» на фрегат все свои вещи, отдали «Паско» испанским пленникам и позволили им уйти. После этого, оставив Форт-Диего, Дрейк отправился вдоль побережья Панамского перешейка, снова встретился с марунами и

договорился с ними о новой вылазке в район Номбре-де-Дьос. Он хотел найти оставленного в лесу капитана Ле Тетю и забрать спрятанные сокровища.

В поход к месту нападения на караван отправились 12 корсаров и 16 марунов. Командовали ими Оксенхэм и Томас Шервелл.

Когда участники похода вернулись к устью Рио-Франсиско, они привели с собой уцелевшего французского моряка — одного из двух, оставшихся в лесу с капитаном Ле Тетю. Поднявшись на борт пинаса, он упал на колени и возблагодарил Бога за то, что «однажды капитан Дрейк был рожден», а также за то, что в тот самый момент, когда француз утратил всякую надежду на спасение, английский капитан «стал его избавителем».

— Что стало с вашим капитаном и другим парнем? — спросили у спасенного француза обступившие его моряки.

Тот ответил, что через полчаса после ухода отряда их обнаружили испанцы. Ле Тетю был схвачен, а рассказчик и второй матрос бросились наутек.

— Мне пришлось оставить свой мешок с добычей, включая шкатулку с драгоценными камнями, — печально добавил он. — Мой товарищ,

однако, поднял его и взвалил себе на плечи. Вскоре он отстал. Боюсь, что алчность погубила его.

Слушатели согласно закивали головами.

— Да, если человек выбирает кошелек, а не жизнь, считай, его песенка спета, — проворчал один из корсаров.

На вопрос, могли ли испанцы найти спрятанное у дороги серебро, француз ответил, что не исключает такой возможности.

— Это надо проверить, — сказал Дрейк.

Небольшая группа англичан и отряд марунов, возглавляемые Оксенхэмом и Педро, вновь отправились к месту нападения на караван. Прибыв туда, они нашли множество ям и траншей, свидетельствовавших о том, что сокровища тщательно искали. Тем не менее, когда через три дня Оксенхэм и его люди вернулись к устью Рио-Франсиско, на их лицах сияли радостные ухмылки. С собой они принесли тринадцать слитков серебра, несколько золотых колец и немного драгоценностей.

Удалось ли испанцам и людям Дрейка забрать из тайников все припрятанные сокровища? Вопрос остается открытым. И, соответственно, это порождало и порождает массу спекуляций на тему «Пират Дрейк и тайны его панамского клада». В книгах о кладоискателях и «для кладоискателей», а также в желтой прессе постоянно всплывают

сенсационные заметки о якобы обнаруженных на Панамском перешейке сокровищах Дрейка, но верят этому лишь наивные простаки.

Есть ли смысл искать панамский клад Дрейка? Подозреваю, что Долговязый Джон Сильвер ответил бы на сей вопрос знаменитой сентенцией из «Острова сокровищ»:

— Копайте, копайте, ребята. Авось найдете пару прошлогодних желудей, которые составляют любимую пищу свиней.

Дальнейшее пребывание у панамских берегов становилось бессмысленным. Настала пора подумать о том, как доставить захваченную добычу на родину. Дрейк предложил компаньонам наведаться на реку Магдалену: там можно было подстеречь какой-нибудь добротный испанский корабль и достать необходимое количество провианта. Команда единодушно поддержала своего капитана.

В открытом море англичане вновь встретили французское судно, на котором находились товарищи пропавшего капитана Ле Тетю (позже стало известно, что испанцы обезглавили французского капитана, а его голову выставили на всеобщее обозрение на центральной площади в Номбре-де-Дьос). Французские моряки согласились сопровождать фрегат Дрейка до острова